

Анджей Юлиуш Сарва

Шепоты и тени

Анджей Юлиуш САРВА

ШЕПОТЫ И ТЕНИ

Перевод с польского М.В. Ковальковой

Санкт-Петербург — Сандомир
2018

Andrzej Juliusz Sarwa

Szepty i cienie

Сарва, Анджей Юлиуш

Шепоты и тени: роман; [пер. с польск. М.В.Ковальковой]. — Санкт-Петербург: Издательство «Дом Польский» Литературно-исторический журнал», 2018; Сандомир: Издательство «Арморика», 2018. — 256 с.

Действие мистического романа разворачивается в XIX веке в старинном польском городе Сандомир, на окраине Российской империи. Едва вступающий во взрослую жизнь Стась Шлопановский сталкивается с неизведанным и узнает о древнем проклятии рода Семберков. Устоит ли юноша перед силами зла и дьявольским соблазном, способна ли чистая и бескорыстная любовь спасти его и указать путь к Свету?

ISBN 978-5-9909812-2-5

ISBN 978-83-8064-579-0

Дизайн обложки — Томаш Обара

ISBN 978-5-9909812-2-5 © Анатолий Нехай, перевод, 2018

ISBN 978-83-8064-579-0 © Анджей Сарва, текст, 2018

Памяти моей жены Эльжбеты

Зимняя ночь

Элиза внезапно поднялась в постели и широко раскрыла глаза. Ее сознание было ясным, несмотря на прервавшийся сон. Что ее разбудило, она не понимала: неясный звук, шелест, а может быть, ей это только показалось?... Может быть... Полоска лунного света из окна ярко освещала спальню. Элиза бросила взгляд на мужа, спавшего рядом. Тот размеренно дышал, лежа на боку. Элиза огляделась по сторонам. На подстилке у кровати дремал кот, свернувшись в клубок. Было тихо и спокойно. Вдруг она заметила, как из-под небольшого древнего и сильно поеденного короедами вишневого комода, стоявшего у изголовья кровати, выползла тень: небольшая, коренастая, человекоподобная. Не то кобольд¹, не то ребенок-карлик — нечто неопределенное. Кобольд неподвижно застыл и внимательно глядел на женщину. Спящий кот тихо мурлыкал. Потом приподнял веки, несколько мгновений вглядывался в темный силуэт и вдруг испуганно запрыгнул на кровать и прижался, дрожа от страха, к Элизе. Ко-

1 Кобольд — домовой, дух домашнего очага, в общем добродушный, но иногда устраивающий человеку разные мелкие пакости. (*Здесь и далее — прим. переводчика*).

больд обернулся, попятился к приоткрытой двери спальни и тут же будто бесшумно взорвался, рассыпался в воздухе на тысячи мельчайших частиц... Исчез.

Женщина, дрожащая и перепуганная, попыталась разбудить мужа, но тот только пробормотал нечто невразумительное, перевернулся на другой бок и продолжал спать. Кот понемногу успокоился, но с кровати не ушел, прижавшись к щеке Элизы. Ее сердце бешено стучало, но понемногу и она стала успокаиваться. Кот замурлыкал. Элиза прикрыла веки и начала медленно проваливаться в бархатный зев сна... И тогда откуда-то издалека до ее ушей донеслось тихое шипение, а под сомкнутыми веками на долю секунды появилось лицо — не человеческое и не звериное, покрытое змеиной чешуей, с зелено-желтыми глазами и черными вертикальными щелями зрачков. Из рта несколько раз высунулся раздвоенный язычок. Еще одно короткое шипение — и всё исчезло. Элиза вздрогнула и, вновь пробудившись, резко уселась в постели. В тот же миг темная туча заслонила луну. Спальню наполнил густой, вязкий, полный угрозы мрак...

* * *

Февральской ночью 1863 года было морозно и светло, как днем. Огромная серебристая луна ярко освещала извилистую дорогу, что петляла среди полей, то спускаясь в мрачный овраг, то выбираясь из него. Рыхлый снег, засыпавший всё вокруг, бледно искрился в холодных лунных лучах. Где-то вдали виднелась черная полоса леса.

От Завихоста к Сандомиру двигался небольшой казачий отряд. Замерзший, сбитый снег хрустел под копытами коней, разлетаясь по сторонам. Из ноздрей верховых лошадей, тянувшихся рысью, вылетали клубы пара. Всадники ежились в седлах, несмотря на то, что все были одеты в теплые шинели, кожаные сапоги и меховые шапки. Они слишком долго находились в пути, и усталость давала о себе знать. Каждый из них мечтал теперь об одном: согреться, наесться досыта, выпить стопочку водки, закурить и отправиться спать...

* * *

Густой зимний мрак плотно залепил проемы глухих окон. Гостиная деревенской усадьбы, освещенная всего двумя свечами, производила гнетущее впечатление. За тяжелым, массивным столом сидела сорокалетняя с виду женщина. Подставив под щеку ладонь, она молча глядела на нервно расхаживающего по комнате мужчину. Время от времени тот останавливался и восклицал, обращаясь скорее к себе самому, чем к ней:

—Что делать? Что же делать? Остаться — рискованно. Бежать — рискованно. То опасно и это опасно...

Женщина презрительно, но все же немного сочувственно поглядывала на мужчину — своего мужа.

—Делай то, что считаешь нужным. Если ты уедешь, я справлюсь.

—Ю, как же ты добра, душечка, как ты добра! Ты всё понимаешь. Но... но... точно ли ты справишься, Элиза? Точно? — спросил он вроде бы озабоченно, но тут же,

услышав ее слова, уже не мог скрыть радости в голосе. И сразу сам себе ответил: — Конечно! Конечно же, ты справишься. Ты ведь не одна остаешься. Ведь у нас есть слуги. А, в крайнем случае, уедешь к тете Юзе в Сандомир. Тетя — старая дева, живет одна, она тебя приютит. Пару недель пересидишь, а тут тем временем, глядишь, всё успокоится.

— Значит, ты решил уехать? А куда? Ведь прежде об этом речи не было.

— Думаю, может быть, за границу? В Галицию? Пристроюсь в Кракове, заодно завершу там пару дел, а тут тем временем вновь наступит мир и порядок.

Положив на стол какие-то бумаги, он добавил:

— Поскольку, однако, времена нынче беспокойные, я оставляю тебе доверенность на распоряжение нашим имуществом.

Женщина, услышав эти слова, уже была не в состоянии дольше сдерживать эмоции:

— Ты кто? Ты считаешь себя поляком? Я пыталась тебя понять, даже сочувствовала. Но ты обычный трус! Трус! Езжай. Я не стану по тебе скучать!

Людвик перестал расхаживать, остановился перед женой, сжал кулаки и прошипел:

— Не смей так обо мне говорить! Не смей...

— А что? Правда глаза колет? — спокойно ответила жена.

Она с трудом встала, медленно подошла к двери и вызвала слуг, несколько раз потянув за шнурок звонка. Когда она поднялась из-за стола, стало заметно, что она

беременна и что до родов осталось не более двух-трех месяцев.

Двери гостиной открылись, и вошел лакей.

— Распорядись там, чтобы пану оседлали коня.

— Нет нужды. Конь уже час как готов.

Женщина ничего на это не сказала, выразительно взглянула на мужа, махнула рукой и направилась к выходу.

— Элиза, — воскликнул Людвик. — Элиза! Ты со мной не попрощаешься?

— Счастливого пути, — буркнула она и затворила за собой дверь.

Мужчина облегченно вздохнул, успокоившись. Он не собирался участвовать в каких-либо авантюрах. Ему хотелось мира, сытости и благополучия — для себя и своей семьи. Он желал работать, приумножать свое состояние, обеспечивать достаток детям. Потому объявление войны могущественному царю было для него безумием и ничем более. Ведь он понимал, что, как и мятеж 1830 года, всё закончится морем крови, слез, тысячами ссыльных в Сибирь, потоком эмиграции на Запад — страна лишится самых достойных. Да, он убегал, оставлял беременную жену, но был уверен, что останься он дома — либо повстанцы, либо русские уничтожили бы всё, что он накопил. Меж этих двух могучих стихий ему не удалось бы сохранить нейтралитет и равновесие. А он любой ценой желал спасти то, что имел. В его отсутствие, кто бы ни приехал в усадьбу: бунтовщики или царские войска, одинокой женщине никто не причинит вреда и не тронет имущества. Возможно, его состояние несколько истощат контрибуциями с той или другой стороны, но не уничтожат.

Когда же это безумие закончится, ему будет с чего начать заново. Поэтому намного безопаснее будет для всей семьи, если он уедет.

— Что, конь готов? — удостоверился он.

— Да, стоит у крыльца.

— Тогда в путь!

Он выбежал из дома и, несмотря на свои добрые пятьдесят лет, ловко вскочил в седло. Стиснув коленями конские бока, медленно направился к тракту. Здесь он на мгновение остановился, огляделся по сторонам, будто размышляя, в каком направлении двигаться, после чего помчался галопом к границе. Прошло совсем немного времени, и фигура всадника скрылась за поворотом, только слышен был еще отдаленный топот копыт, но, в конце концов, и он затих. Усадьбу скрыли мрак и тишина. И лишь едва заметный желтоватый отблеск, мерцавший в окне, говорил, что не все еще спят, что кто-то бодрствует...

* * *

Есаул раз за разом привставал в седле и внимательно глядел по сторонам, высматривая огни какой-нибудь усадьбы или села, но вокруг было лишь пустое белое пространство. Тем временем дорога совершила крутой поворот, одновременно спускаясь в неглубокий, поднимающийся к вершине холма овраг. Казаки погнали коней и галопом въехали на обширное плоскогорье, и тогда невдалеке заметили желтоватый блик, освещающий окна приземистого строения какой-то дворянской усадьбы.

Есаул потянул уздцы, а казаки двинулись вслед за ним. Кони теперь шли шагом. Офицер, вынув саблю, дал ею знак казакам. Сплоченный до этого момента отряд растянулся в полукольцо, окружая усадьбу.

Ловко, быстро и тихо казаки окружили двор. Бойцы не были уверены, безопасно ли тут, не расквартированы ли в имении бунтовщики. Есаул вместе с двумя казаками направился к фасаду здания. Дал знак рукой, и один из его товарищей соскочил с коня, вбежал на крыльцо и рукояткой сабли резко заколотил в дверь.

— Открывайте! Быстро, быстро!

За дверями послышалось какое-то движение. Через мгновение они приоткрылись, и из щели показалась сначала рука, держащая свечу в переносном светильнике, а затем голова лакея.

— Чего изволите, господа? — спросил он флегматично.

Казак надавил на него плечом и силком вошел внутрь. За ним последовало еще несколько товарищей.

Есаул вошел последним и остановился перед лакеем, отступившим назад и одновременно загородившим дальнейший проход вглубь дома, и спросил:

— Где хозяин? Где барин?

— Нет барина.

— А почему его нет?

— Пан уехал по делам в Галицию, — спокойно ответил лакей.

— Ърешь, скотина. Он ведь тоже бунтовщик и присоединился к мятежникам. Но мы его найдем!

— Я не лгу. Я правду говорю. И я не скотина.

Такой гордый ответ вовсе не разозлил есаула, а только его рассмешил. Смеясь, он заметил:

— Ю, жесткий ответ. А ты тоже — польский пан?! Ха-ха-ха!

— Жажда себе пан за свои три гроша, — буркнул слуга, уставившись исподлобья на командира.

В этот момент в сени вышла хозяйка. Есаул пристукнул каблуками, энергичным движением вежливо наклонил голову и представился:

— Николай Васильевич Краснов.

— Элиза Шлопановская.

Офицер, будто оправдываясь за свой ночной визит, добавил:

— Извините, барыня, война! А мы устали и замерзли...

— Да-да. Устали мы и замерзли, — вторили ему казаки.

— Скажите, пожалуйста, где ваш муж? — продолжал есаул.

— Муж недавно уехал по делам в Галицию. А когда вернется, не знаю.

— Ну да... А вы тут одна?

— Не одна. Со слугами. Мороз, господа, проходите в дом. Угощу вас всем, чем смогу в такое время.

— Спасибо вам, барыня, — офицер вновь пристукнул каблуками и поклонился пани Элизе.

Тем временем из-за его спины один из казаков вставил:

— А сейчас поесте дайте. И водки не пожалейте уж...

Командир обернулся к нему и прошипел сквозь зубы:

— Замолкни!

Хозяйка пригласила есаула в столовую, а казаки расположились в людской. Разбуженная кухарка быстро приго-

товила для офицера тарелку яичницы на колбасе и горячий чай. Появилась на столе и бутылка вишневой наливки домашнего приготовления. Казакам же подали хлеб, копченую солонину и по стопочке водки на разогрев.

Когда все поданное было уже съедено и выпито, есаул, назначив двух часовых, наконец-то велел размещаться, где было указано, и идти спать. Двое же казаков, проклиная под нос собачью судьбу, вышли из дома. Один из них должен был стоять на часах на дороге, другой — охранять зады дома. Сытые и разгоряченные водкой, они мечтали только об одном: закурить трубочку. Однако на часах это было запрещено, а, кроме того, они и сами понимали, что горящий огонек мог бы легко привлечь внимание польских повстанцев, если бы те приблизились к усадьбе.

И все же один из них не выдержал. Он подошел к товарищу и сказал:

— Слушай, Степа, я всё ж пойду покурю, — и не дожидаясь ответа, приоткрыл боковую калитку рядом с воротами, скользнул в нее и исчез в мрачной и бездонной пустоте.

* * *

Небо начало сереть на востоке, и есаул, мало спавший в эту ночь, объявил подъем и отдал приказ немедленно выступать. Казаки оседлали коней, и отряд сплоченной колонной двинулся в путь.

Хозяйка, стоя у окна, с облегчением наблюдала за отъездом незваных гостей. Она не стала снова ложиться.

Умылась, оделась и вышла в гостиную. Присев у стола, Элиза начала размышлять. Со вчерашнего вечера произошло столько событий, что у нее просто не было времени спокойно всё взвесить и принять решение, что же делать дальше. Женщина взглянула на стол, где всё еще лежали доверенности, оставленные Людвигом. Машинально собрала бумаги, сунула их за корсет и глубоко вздохнула: «Даст Бог, как-нибудь всё обойдется». Она должна справиться, ведь ребенок уже скоро появится на свет — это маленькое существо, ради которого нужно жить и бороться...

И вдруг в гостиной стало странно светло, будто бы взошло солнце, а ведь до восхода было еще далеко. Элиза подошла к окну. По белому снегу, покрывавшему усадьбу, скользил кровавый отсвет огненного зарева. Элиза выскочила во двор. Овин был весь в огне, сухие смоляные доски горели с треском, языки пламени поднимались высоко вверх. Внезапно поднявшийся ветер метал снопы искр в сторону амбара, конюшни и дома.

—Торим! Горим! — закричала Элиза изо всех сил.

Через пару минут во двор сбежались все слуги. Крестьяне из ближайшей деревни тоже поспешили на помощь.

—Животные! Выводите животных! — кричала Элиза. Было самое время, как раз занялась крыша конюшни, ее балки опасно трескали. Одно из стропил уже перегорело и грозило в любой момент провалиться внутрь. Несколько работников отважно кинулись туда, пытаясь вывести коней, но те, обезумев от страха, сопротивлялись, отчаянно ржали и, вместо того, чтобы бежать от пожара, стремились в огонь. Работники понукали коней, но, надышавшись дыма и гари, лишь в последний момент успели поки-

нуть конюшню, прежде чем обгоревшие стропила с треском и мрачным гулом обрушились внутрь конюшни. Еще несколько минут были слышны пронзительные крики, временами переходящие в вибрирующий стон, горящих животных...

Коров, свиней и птиц удалось спасти.

Работники пытались спасти также и усадьбу. Одни выносили из дома всё, что можно было вынести, другие, встав в цепочку, передавали из рук в руки ведра, подойники, любые емкости, какие только удавалось найти. Их наполняли водой из колодца и выливали на деревянные стены дома, надеясь, что огонь на них не перекинется. Однако это не сильно помогло. Примерно через полчаса колодец был исчерпан досуха, поэтому стали собирать снег, пытаясь сбить им пламя. Безуспешно... Вскоре и усадьба была охвачена огнем. Стены ее трескали, огромное зарево окрасило серое небо, встречая восходящее бледное солнце.

* * *

— Элизка, да ты в своем уме? — голос тети Юзефы Коженицкой прозвучал решительно и строго. — Элизка, побойся Бога. Ты не можешь жить в батрацком «четвертаке»². Не имущество сейчас важно, а твое дитя. Ты же рискуешь не своим здоровьем и жизнью, а — ребенка!

Дама в летах, родная сестра покойной матери пани Элизы, узнав о страшном несчастье, постигшем племянни-

2 Четырехкомнатный батрацкий барак.

цу, незамедлительно отправилась к ней в имение, чтобы забрать ее к себе в Сандомир.

Однако Элиза даже слушать не хотела.

—Тетя, если я сейчас уеду, то тут все пропадет. Всё разворуют. Я должна здесь оставаться, чтобы следить за остатками имущества. Чтобы сохранить то, что у нас еще осталось. А в бараке мне не так уж и плохо. Люди из деревни доброжелательные, слуги верные и лояльные. И речи быть не может об отъезде. Я остаюсь здесь — и всё!

Услышав эти слова, тетя возмущенно фыркнула:

—Ты, конечно, поступай, как хочешь. Но помни, что мой дом открыт для тебя. Если разум вернется к тебе, приезжай ко мне даже без предупреждения. Я же возвращаюсь домой. В «четвертаке» с тобой я жить не намерена.

Тетя еще раз окинула беременную племянницу критическим взглядом, неодобрительно покачав при этом головой и буркнув себе что-то под нос. Затем села в сани, кивнула извозчику, и тот, щелкнув кнутом, отправился в обратный путь.

* * *

Недели шли за неделями, и вот, наконец, наступила весна. Солнце на небосклоне поднималось все выше и гре-ло все сильнее. Началась распутица, сугробы грязного снега уменьшались на глазах. Десятки быстрых ручейков стекали с полей, раскинувшихся на пологих лесовых склонах холмов, и устремлялись ко дну оврагов, а оттуда, соединившись в единый поток, неслись, чтобы напитать

многочисленные в этой местности речки и, наконец, завершить свой бег в сером потоке Вислы. Из-под снега пробивались белые головки маргариток. Зацвел орешник, и зазолотились первые цветки мать-и-мачехи. И хотя весенний мир был полон радости и веселья, людские сердца переполнялись скорбью и печалью. Через селения в окрестностях Сандомира пролегали пути как повстанческих отрядов, так и регулярной русской армии. В рощах и лесном буреломе валялись брошенные трупы поляков, убитых в стычках. Ищущие добычу местные крестьяне стаскивали с них одежду и обувь.

Пани Элизе было все труднее выживать. Раз за разом к ней заходили то повстанцы, то солдаты, и никому из них она не могла отказать в провианте и корме для лошадей. То, что не смогло поглотить пламя, съели контрибуции. Кроме того, приближались ифоды, и она чувствовала себя все хуже и хуже. У нее опухли ноги, она испытывала странную слабость, и время от времени ощущала тупую боль в верхней части живота. И перепугалась не на шутку, когда увидела небольшие пятна крови на белье. Элиза боялась выкидыша, а вдали от города, от врачей всё могло фатально закончиться не только для ребенка, но и для нее самой. Потому все серьезнее она стала рассматривать предложение тети Юзефы — оставив имение, перебраться в Сандомир.

Пани Элизу мучила также неизвестность, что случилось с ее дочерью, которая некоторое время тому назад вышла замуж за довольно состоятельного помещика из-под Мехова близ Кракова. С самого начала восстания от нее не было никаких вестей. В безопасности ли она? Элиза не со-

мневалась, что зять присоединился к какому-то отряду, а Марцися — ее Марцися! — осталась одна, одна в такое время.

Не было также вестей и от Людвика. И хотя общая жизнь с ним у Элизы не складывалась уже давно, однако годы, проведенные под одной крышей, и общие дети ее цементировали. И была также обычная человеческая привычка. Хотя Элиза изначально злилась на мужа, но теперь все чаще ловила себя на том, что даже тоскует по нему. Она не знала, удалось ли ему добраться до Галиции. Возможно, он застрял где-то на территории Царства Польского? А может, попал в руки русских?

В тот вечер она отправилась спать с твердым решением уехать из имения с рассветом. Ничего она уже тут не успеет, а рисковать жизнью ребенка больше было нельзя.

Когда солнце встало, Элиза велела хорошенько устлать соломой крестьянский воз, погрузила в него все самое необходимое: кой-какую одежду и немного снеди в дорогу. Когда повозка, в которую запрягли неловкую клячу, тронулась со скрипом с места и двинулась к тракту, она с грустью обернулась, вглядываясь в чернеющее пепелище на фоне сливового сада, покрытого белой ароматной пеной цветов. Воздух был насыщен этим запахом сладковатым, с легкой ноткой горечи. Вдруг она заметила, что за повозкой бегут ее желтая собачонка Рудя и белый с серыми пятнами кот по кличке Влучек — ее питомцы. Глядя на них, она погрузилась в еще большую печаль, к горлу подкатил комок, потекли слезы. Возница также оглянулся и, заметив животных, несколько раз ударил лошадь кну-

том, побуждая бежать быстрее. Ничего не вышло: кот и пес упорно догоняли повозку.

—А, да ладно! Ведь тетя меня не выкинет! Войцех, остановитесь.

—Пр-р-р.

Повозка встала. Возница соскочил на землю, подозвал пса и кота и передал по очереди пани Элизе.

—Если вы уж так хотите остаться со мной, то так тому и быть. Дальше поедем вместе. Тетя вас полюбит. Тетя не злая, хотя порой бывает довольно сурова.

И хотя от усадьбы Шлопановских до Сандомира было немногим более семи верст, путешествие заняло целый день. У Элизы начались схватки, и езда по выбоинам, на окованных железными обручами деревянных колесах стала для нее невыносимой. Потому возница то проезжал какой-то отрезок пути, то останавливался, а время шло. В итоге, когда на горизонте показались силуэты башен сандомирских костелов, уже начало смеркаться.

—Хозяйка, поспешить бы надо, иначе ночь застанет нас в полях, а в темноте, на ощупь мне до города не добраться. Ночевать же в поле в такое время и в вашем состоянии... ой... я даже думать не хочу.

Элиза стиснула зубы и ответила:

—Ты прав, гони коня, поспешай. Я как-нибудь потерплю.

Возница ударил кнутом, и повозка разогналась. Уже почти стемнело, когда по очень длинному, но мелкому оврагу они от Крукова добрались до первых хат Завихойского предместья, до той его части, что именовалась Халупками. Было уже девять вечера. Со стороны кафедрального собора доносился колокольный звон — сладко-

звучная молитва, которую вот уже четыре столетия возносили с башни Богу за рыцарей, что сложили головы под Варной³. И в этот самый момент у пани Элизы отошли воды. Возница, перепугавшись, погнал к первой с краю лачуге, крытой соломой, и принялся стучать в оконную раму:

— Люди, помогите, женщина рожает!

Осторожно, со скрипом приоткрылась дверь — перекошенная, запиравшиеся на скобу, покрытая несколькими слоями облупившейся известки.

— Что случилось? — спросила молодая женщина, с любопытством оглядывая Войцеха.

— Барыня рожает. У нее воды отошли. Пустите нас и помогите. А то что мне делать?

— Юзек, Юзек, иди сюда!

Лохматый мужик остановился у нее за спиной. А вместе с ним пятеро или шестеро детей разного возраста, которые, разбуженные от первого сна, терли кулаками глаза.

— Помоги человеку, перенеси барыню в хату. Я подготовлю кровать. А ты, Маня, — она обратилась к старшей дочери, — беги к старой Майщине⁴, чтоб приняла роды.

Элизу очень быстро вынесли из повозки и уложили на просторную супружескую кровать.

В Халупках началось движение. Из хат высыпали люди, заинтригованные тем, что происходит. Каждый изъявлял желание чем-то помочь, но лохматый мужик стоял, слов-

3 Битва под Варной 10 ноября 1444 года между армией крестоносцев, направленной королем Польши и Венгрии Владиславом, и войском Османской империи.

4 От имени Майя. Так же называют и левшу.

но Цербер, в дверях и отгонял самых назойливых. Он впустил лишь двух или трех баб, потому что было неизвестно, не потребуется ли Майцине какая-то помощь.

Подозвал он пальцем и одного из своих сыновей, мальчишку, на вид лет двенадцати.

— Владя, а ну, бегом на Подолье, сообщи пани Коже-ницкой, что племянница ее у нас сейчас разрешится.

— Ладно, — паренек мигом развернулся и исчез в темноте.

* * *

— Во имя Отца, и Сына, и Святого духа....

Грузная повитуха размашисто перекрестилась. Собранные в хате бабы тоже перекрестились и хором ей ответили:

— Аминь.

На старой, съеденной зубами времени дубовой кровати, на матрасе, набитом свежей ржаной соломой, лежала роженица — пани Элиза Шлопановская. Лицо ее было напряжено, волосы слиплись от пота, временами она то быстро дышала, то постанывала. Было видно, что она сильно страдает. И хотя рожала она не в первый раз, эти роды выдались не легкими.

Элиза тяжело дышала, стонала всё громче, пока, наконец, ее стоны не превратились в вибрирующий от боли крик. Прошли сутки с тех пор, как отошли воды, а разрешиться она всё не могла. Повитуха с ужасом смотрела на роженицу, ожидая самого худшего. Однако, когда она окончательно утвердилась, что женщина вскоре умрет,

вдруг как бы что-то переменялось, и всего через полчаса на свет появился большой, здоровый мальчик.

Элиза, хотя и нечеловечески измученная длительным страданием, была необычайно счастлива. Это были ее шестые роды, но, кроме дочери, которую много лет назад она родила живой, все последующие дети, одни только мальчики, рождались мертвыми. Лишь сегодня своего новорожденного сыночка она смогла взять в руки, порадоваться его плачу, его дыханию, биению его сердечка.

Рассвело. Наступило воскресное апрельское утро. Часы на башне ратуши пробили четверть часа. Роженица посмотрела на сына и с трудом прошептала:

— Сынок, сыночек. Маленький мой Стась. Посвящаю тебя Богородице.

Повитуха взяла младенца на руки и осторожно понесла в окутанный мраком угол хаты, где стояла деревянная кадушка, полная теплой, дышащей паром воды. Она осторожно погрузила в нее новорожденного и льняной тряпкой принялась смывать с него кровь. Ребенок был спокоен, не плакал. Видно было, что первое в его жизни купание доставляет ему удовольствие. Повитуха осторожно повернулась, взглянула на мать и стоящих возле нее баб, не смотрят ли они на нее и ребенка. Однако бабам было не до Майцины, они ухаживали за роженицей. Тогда повитуха осторожно сунула руку за пазуху и достала из подвешенного на шее на красном шнурке мешочка маленькую кошачью косточку. Взяв ее двумя пальцами, она начертила ею какие-то знаки на лбу и груди ребенка. В тот же миг новорожденный зашелся пронзительным криком. Черное сморщенное личико аж посинело от усилия. Мать и стоя-

щие рядом с ней женщины испуганно оглянулись. Майцина быстро вытерла ребенка льняным полотенцем, ловко завернула его в пеленку и подала матери. Та приложила сына к груди и положила ему руку на голову.

— Ну, все, все хорошо. Тихо, тихо, мой малыш...

Ребенок, чувствуя ласковую руку матери и биение ее сердца, довольно быстро успокоился.

* * *

Туман стелился по лугам, а воздухом, насыщенном влагой, тяжело было дышать. В хмурый ноябрьский день 1864 года пан Людвик Шлопановский добрался, наконец, до своего имения. Восстание подошло к концу, он ни в чем не был замешан и потому без страха возвращался домой. Смертельно уставшими были и он сам, и его конь. Пан Людвик мечтал поскорее добраться до усадьбы, умыться, переодеться в свежую одежду, наесться досыта и лечь в мягкую постель.

Однако, едва он выехал из-за поворота и кинул взгляд в сторону усадьбы, как обомлел. Вместо дома и хозяйственных построек он увидел посеревшее пепелище на фоне голых в это время года крон деревьев старого сада. Людвик глухо застонал и схватился за голову:

— О, Боже!

Он огляделся по сторонам, высматривая людей, чтобы спросить, когда и что здесь произошло, но никого не увидел. Было пусто и тихо. Стиснув коленями бока коня, он поскакал в направлении корчмы, стоявшей на краю ближайшей деревни.

Людвик толкнул массивную дверь из толстых сосновых досок, окрашенных темно-зеленой краской. В лицо ударил запах кислятины, тушеной квашеной капусты, прокисшего жидкого пива и дешевой водки. Наклонив голову, чтобы не удариться о жосак, он вошел внутрь. Корчма была полна мужиков. Они сидели под хмельком, пьяные, с красными опухшими лицами и масляными глазами, оживленно о чем-то разговаривая. За стойкой крутился корчмарь Шмуть, а помогала ему жена Сура. Приметив Людвика, старый еврей на мгновение застыл без движения, не в силах скрыть удивления, однако быстро взял себя в руки и, кланяясь в пояс, произнес:

—Здравствуйте, здравствуйте, вельможный пан. Вижу, что вы с дороги, так я прошу садиться. Сейчас что-нибудь подам. Может, яичницу? И свежий хлебушек, сегодня испеченный, теплый еще. Ай-ай. А может, вы, вельможный пан, желаете котлету? Так я дам котлету. Ой, какая вкусная. Сура, подай пану котлету и водку в штофе. Ой, ну так, для разогрева.

Людвик уселся возле стойки. Машинально выпил водку, закусил котлетой, протянул рюмку, чтобы ему налили еще. Корчмарь налил и тут же конфиденциально приблизил свое лицо к лицу Людвика так близко, что тот почувствовал запах гнилых зубов.

—А вы, вельможный пан, не побоялись сюда приезжать? Ой-вей! — причмокнул он несколько раз с удивлением. — Какая отвага!

Людвик удивленно на него посмотрел.

—А с чего бы мне бояться?

—Так вы ничего не знаете? Вы ушли в восстание. Москали двор спалили. Госпожа уехала в Сандомир. Москали имущество конфисковали. Это уже не ваше. Сейчас тут новый хозяин. Некий Никита Ильич Карамзин. Весной он планирует усадьбу восстановить: и хлеб, и ко-нюшни, и овины, и всё. Ой! А вас, вельможный пан, жан-дармы ищут.

— Матерь Божья! Но ведь меня не было в восстании. Я в Галиции сидел. Всё время просидел в Галиции, ожи-дая, пока тут всё успокоится. Это какое-то недоразуме-ние, я всё объясню. Я обращаюсь к властям, так быть не может. Я был лоялен. Все время был лоялен. Я ведь не бунтовал против властей, против царя.

Шмуть поднял ладони кверху.

— Ша, ша, вельможный пан! Я ничего не знаю. Я ниче-го не знаю. Я знаю только, что жандармы вас ищут. И еще я знаю, что вон тот Ясек, что возле печки сидит, хоть и пьяный, но как-то странно на вас поглядывает. Облизы-вается, как будто уже за вас рубли подсчитывает. Ой, что у него в голове крутится. Ой, что-то недоброе. А я, ста-рый еврей, свое в жизни повидал. Вы пойдете к властям, но успеете ли вы объяснить? В Сибири тяжело будет ис-кать, кто пожелал бы вас выслушать. Нет, пан помещик, вы конечно, сделаете то, что считаете нужным. Но я бы-таки посоветовал вам до сумерек где-то переждать. Да хоть у меня в подвале. Я же тем временем о лошади поза-бочусь, накормлю ее. А как начнет темнеть, езжайте к границе, к Висле. В Винярках есть один мужик, что умеет безопасно через Вислу переправлять за пару грошей. Пару

грошей для него, пару грошей для меня. За хлопоты. Ой, мы с вас много не возьмем.

Людвик в отчаянии смотрел на говорящего, не слишком понимая, что предпринять. Однако, чем больше он размышлял, тем сильнее утверждался в мысли, что корчмарь прав.

— Хорошо, я послушаю вас, Шмуть.

Старый еврей поманил Людвика, и тот послушно последовал за ним. Они ушли в подсобку, а затем по крутой лестнице спустились в глубокий подвал. Присели оба. Один на перекошенную табуретку, другой на камень, который до этого использовался как груз для квашеной капусты.

Людвик спросил:

— А у вас есть какие-то вести о моей жене? Она здорова? Как прошли роды?

— Ой, да, здорова. В Сандомире живет. И сын у вас. Говорят, что Стась. Ой, наверняка красив, как на картинке, если таки в вас уродился.

Людвик грустно усмехнулся. Как бы он хотел увидеть жену и сына, обнять, прижать их к груди.

— Ой, вы даже и не думайте об этом, — воскликнул Шмуть, будто прочитав его мысли. — Может, когда-нибудь, через какое-то время вы увидите свою семью. Но сейчас нужно бежать за границу. Скоро сумерки. Как только стемнеет, мы двинемся к Висле.

* * *

Людвик в последний раз поглядел на коня. Ему было жалко расставаться с ним, но он понимал, что его придется оставить в Жорчме. Иначе не удастся незаметно перебраться на австрийский берег.

Шмуть пересчитал деньги за коня и передал их Людвигу.

—?Так хорошо будет, вельможный пан? Свои гроши «за хлопоты» я уже отсчитал.

Шлопановский, не пересчитывая, сунул деньги в карман.

— Будет ли хорошо?... Должно быть хорошо... Потому что не может быть иначе. Ну, бывайте, Шмуть.

Рослый парень стоял в стороне, явно нервничая.

— Поспешайте, барин. Времени совсем нет. Раньше двинемся — раньше в Галиции окажемся.

— Да, согласен. Пошли.

Проводник шел первым, на ощупь, как кот. Было видно, что не раз и не два он пробирался ночью этой дорогой. Какое-то время они продирались сквозь не слишком густые заросли лозняка, но в итоге вышли на берег Вислы в месте ее широкого разлива. Проводник вытащил из кустов небольшую лодку, прикрытую камышом и айром, и столкнул ее на воду.

— Садитесь, барин.

Шлопановский незамедлительно вскочил в лодку. Однако прежде чем парень к нему присоединился, из лозняка показался небольшой, в несколько человек, отряд солдат. Заметив готовящихся к переправе, солдаты остановились, одновременно снимая с плеча карабины. Командир крикнул:

— Стой! Стой! Вы кто? Туда нельзя.

Людвик заколебался, но проводник со всей силы оттолкнул лодку от берега в сторону главного течения, одновременно заскакивая в нее. Он схватил весло, лежащее на дне, и начал быстро грести. Поначалу казалось, что вот-вот их полностью скроет ночь, и они окажутся в безопасности. Однако один из солдат, не дожидаясь приказа, направил на беглецов оружие и дважды выстрелил. Два тела с плеском упали в воду, а лодку, лишенную балласта, течение быстро увлекло в низовья реки.

Отмеченный

Юзефа Коженицкая — моя (Станислава Шлопановского, рожденного в Сандомире в 1864 году) двоюродная бабушка — в юности своей чувствовала призвание к монастырской жизни. И хотя ее родители, мои прадеды, относились к этому отрицательно, поскольку видели ее будущее скорее в счастливом браке с множеством детей, она о предстоящем замужестве и слышать не желала и, кажется, даже отвергла две завидные партии, дав женихам решительный отказ. Не в силах переломить сопротивление дочери, родители, пусть и неохотно, но в итоге все же уступили. Назначив ей соответствующее богатое приданое, они дали в конце концов свое благословение.

Однажды летним днем ее отец и мой прадед Войцех отвез дочь в Сандомир к сестрам-бенедиктинкам⁵, что жили в монастыре при соборе Святого Михаила, намереваясь представить ее там монастырскому начальству. И пока Юзефа беседовала с игуменьей, отец, ожидая результата этого разговора, нервно расхаживал перед монастырскими воротами. Ждать пришлось долго. Часы на ратуше

5 Старейший католический монашеский орден, основанный Бенедиктом Нурсийским в VI веке.

Оглавление

Зимняя ночь	5
Отмеченный	29
Мейнхард фон Абенсберг	50
Призраки	68
Розалька	80
Дорожная сумка монаха	91
Андрей Федорович Гричихин	107
Мрачное сияние	124
Новость	140
<i>Mysterium iniquitatis</i>	145
Шепоты и тени	162
Шокирующие вести	169
Приглашение	180
Дыхание Левиафана	183
Служанка	194
Открытие тайны	200
Радение	223
Крестины	236
Смерть милосердна	244
<i>Mare tenebrarum</i>	252
Спеши к спасению моему	270
На сторону света	286
<i>Resurrectio...</i>	312
Умиротворение	315
Под стук колес железных	319